

Ирина Силуянова

Помни имена детей своих

Ирина Силецкая
Помни имена детей
своих... Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63471571

ISBN 9785005192042

Аннотация

Дорогие мои друзья! Я хотела бы, чтобы каждый, читая мои рассказы, побыл сам с собой наедине, прислушался к своему сердцу, вспомнил что-то, что всегда глубоко и надежно прятал в себе, загоня в самые дальние уголки души... Не бойтесь сказать себе правду, не бойтесь вспомнить то, что тяжело вспоминать. Человеческие чувства – это неизведанный, захватывающий мир, погружаясь в который, сложно остаться равнодушным. Почитайте, подумайте, вспомните, постарайтесь понять, простить и быть добрее друг к другу...

Содержание

Дорогие друзья!	5
Помни имена детей своих	7
Баба Саша	22
Чужая среди своих	34
Папа	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Помни имена детей своих...

Сборник рассказов

Ирина Силецкая

Дизайнер обложки Сергей Тимченко

© Ирина Силецкая, 2020

© Сергей Тимченко, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-9204-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогие друзья!

Я хотела бы, чтобы каждый, читая мои рассказы, побыл сам с собой наедине, прислушался к своему сердцу, вспомнил что-то, что всегда глубоко и надёжно прятал в себе, загоняя в самые дальние уголки души... Не бойтесь сказать себе правду, не бойтесь вспомнить то, что тяжело вспоминать. Человеческие чувства – это неизведанный, захватывающий мир, погружаясь в который, сложно остаться равнодушным. Жизнь таит в себе столько загадок и противоречий, столько неожиданностей и закономерностей, что ей не перестаёшь удивляться. В своих рассказах я только прикоснулась к тайне человеческих взаимоотношений, к родственным – самым глубоким и искренним чувствам людей. Мать, отец, сын, дочь, свекровь, дед, бабушка, муж, жена, любовники, соседи, друзья, коллеги... Все эти человеческие статусы несут людям вместе с собой огромный пласт и сложнейшую гамму эмоций: счастья и горя, трагедии и комедии, радости и печали, веры и разочарований, верности и предательства. Мы живём этими эмоциями, мы строим каждый свой внутренний мир, где нам хотелось бы быть в гармонии с самим собой.

Часть рассказов посвящена Великой Отечественной войне, офицерам и их жёнам: моим дедушке Пацалюк Платону Петровичу, бабушке Пацалюк Анне Сергеевне, папе Силец-

кому Сергею Фёдоровичу, маме Силецкой Елене Платоновне. Это рассказы о войне, о жизни советских людей в фашистской оккупации, многие из которых имеют почти документальную историю и записаны со слов моей мамы. Я бы хотела, чтобы об этом знали и помнили молодые, мои дети и внуки, все, кто будет жить после нас...

Почитайте, подумайте, вспомните, постарайтесь понять, простить и быть добрее друг к другу...

Ваша Ирина Силецкая

Помни имена детей своих

Ленка хорошо помнила, как началась война. Отец служил в Красной армии офицером. Должность его называлась очень красиво и загадочно – пиротехник. Он заведовал вооружением в воинской части в небольшом приграничном городке Старый Самбор на границе с Польшей. То, что скоро начнётся война, знали все. Ещё в мае в городке появились странные приезжие, они селились в гостиницах, в частном секторе, ничем не занимались, слонялись по улицам и рынкам, высматривали, вынюхивали, затевали странные провокационные разговоры о будущей войне.

Ленка весело шагала домой и ела мороженое. Ей было девять лет, она заканчивала второй класс. Май гнал по улицам облака белого яблоневого цвета, солнце начинало припекать. Симпатичная кареглазая брюнетка, с курносым задорным носом, смешливая, умная и симпатичная, она уже тогда нравилась мальчишкам – одноклассникам. Вот и сейчас на рынке она встретила парнишку из параллельного класса, и он угостил её мороженым. Проходя мимо небольшого рынка, она увидела толпу людей.

– Эй, девочка! Поди-ка сюда! Хочешь, как артистка, выступать? – окликнул её мужчина средних лет.

– Да... Хочу, как артистка, – подходя, оробела Ленка.

– Вот становись на ящик. Это сцена. И громко-громко по-

второй за мной стихи. Хорошо?

– Да...

Ленку подняли и поставили на импровизированную сцену, и она начала выступать.

– Внимание, внимание,

На нас идет Германия!

Нам немец нипочем,

Воюем кирпичом! – во все горло орала она, а толпа гоготала.

– Ещё! Ещё! Bravo! – кричала толпа, и она опять и опять повторяла подсказанные ей стихи.

– Милиция! Бежим! – раздались крики, и толпа мгновенно рассосалась, а Ленку уже снимали с ящика милиционеры.

– Ты чья такая, артистка? Ты хоть понимаешь, что говоришь тут? Кто тебя научил этому? Где живёшь? – спрашивал милиционер.

Ленка не на шутку испугалась, даже перепутала свой адрес. Когда всё же выяснили, где она живёт, её отвезли домой.

– Забирайте свою дочку. Читала стихи провокационного содержания на рынке. Следите за детьми. Её счастье, что лет ей мало и отец – офицер, – сказал матери милиционер, передавая Ленку с рук на руки.

Когда за ним захлопнулась дверь, Ленка получила от матери неслабую затрещину:

– Сколько раз говорила, что время опасное сейчас? Чтобы со школы прямиком домой! Смотри, сколько лазутчи-

ков в городе! Смотри, как опасно! Марш на кухню обедать и за уроки!

Ленка бросилась в ванную, вымыла руки, шмыгнула на кухню и через час уже спала, сидя за столом над открытыми тетрадками.

Учиться она не любила. Это было скучным занятием. Другое дело гулять во дворе... Но мать не разрешала. У неё было ещё две младших дочери, и ей нужна была помощь – погулять с младшими, покормить их. А Ленка, зная, что её тут же заставят помогать по дому, старалась как можно позже появляться дома, мотивируя это дополнительными занятиями. Нагулявшись с подружками и набегавшись, она, придя домой и поев, тут же засыпала, так и не выучив уроков на завтра. Начинались каникулы, приходилось чаще бывать дома, и Ленка искала любой повод вырваться из дома к подружкам.

И вот внезапно каникулы закончились, не начавшись, а с ними и её детство... Все проснулись рано утром от рёва низко летящих самолётов, кинулись к окнам, заплакала младшая сестрёнка Лариса. Было темно и страшно. Отец начал быстро одеваться.

– Что-то случилось. Я – в часть! – успел только сказать он, как послышались взрывы. Недалеко, и все сразу поняли, что бомбили склады вооружения, потому что взрывы не прекращались, и стало понятно, что это уже рвутся снаряды на складах. Свет не зажигали, и отец долго не мог найти ключи от складов, которых уже не было. Все выскочили на ули-

цу. За городом в стороне складов вооружения стояло зарево, время от времени оттуда со свистом летели снаряды, разрываясь неподалёку.

– Они знали, куда сбрасывать бомбы, сволочи! Они всё знали: где склады, где часть! Я пошел! – сказал отец.

– Ты куда? Складов уже нет! Убьёт тебя шальной снаряд! Детей пожалей! – кричала мать.

Но отец уже бежал к складам. Все смотрели ему вслед, уже светало, и было видно, как за ним сомкнулась высокая трава.

Утром по радио Левитан объявил о начале Великой Отечественной войны. Мать сидела растерянная, не готовила еду, дети бегали около неё и просили есть. Только к обеду пришёл отец, весь в саже, гари, в грязной гимнастерке.

– Аня, война! Я должен помочь эвакуировать членов семей офицеров, и тут же на фронт. Поедешь с детьми на Урал. Не плачь... Не ты одна, вы там все будете вместе, я дам тебе продовольственные карточки, вас там встретят, разместят. Приедешь, сразу мне напиши. Всё, собирайся и будь спокойнее, не пугай детей, – говорил отец.

Ленка смотрела на него во все глаза. Она понимала, что они уезжают от папы, а он идёт на фронт. Младшие сестрички смеялись, рвались на руки к отцу и ничего ровным счетом не понимали. Мать наконец-то вышла из оцепенения, быстро собрала на стол, отец сел обедать.

– Как же я одна? Дети маленькие. Ладно, Лена постарше, а эти? Шесть и три года... Как я с ними? Может, не по-

едем никуда? Может, война ненадолго? Переждём, а через месяц-два всё нормализуется? – причитала она, передвигая кастрюльки на плите.

– Нет, Аня, это надолго, в два месяца не управимся, – грустно ответил отец, – Собирайся, завтра уезжаете. Много вещей не бери, только самое необходимое. Тёплые детские вещи, одеял пару, никаких игрушек, я ведь тебе не помогу... Всё, я пошел, собирайся. Всё будет в порядке...

Ленка хотела побежать к подружкам, но мать не отпустила.

– Лена, ты у меня взрослая уже. Только от тебя и жду сейчас помощи. Помогай мне собираться. Ты же всё слышала?

– А с девчонками попрощаться?

– Да они все с нами в поезде будут, что с ними прощаться-то? – не согласилась мать.

К вечеру в коридоре стояло три внушительных узла. Младшие девчонки присмирели, интуитивно понимая, что веселиться некстати. Отец пришёл поздно вечером.

– Вот продовольственные карточки. Смотри, не потеряй. Без них пропадёшь, продуктов без них не достать, а у нас дети. Я положу их в нагрудный карман гимнастёрки, завтра перед посадкой отдам, а то с детьми будешь возиться, не дай Бог, потеряешь. А теперь спать. Завтра рано вставать. Ну, хлопцы, по кроватям марш! – сказал отец.

Ленка улыбнулась. У отца было три дочери, супруги всё пытались родить сына, но жена регулярно приносила из род-

дома дочерей, и он начал в шутку называть своих дочерей хлопцами, что в переводе с украинского означало мальчишки. Младшие быстро уснули, а Ленке не спалось. Она слышала, как на кровати долго возились родители. Она уже давно подглядывала и прислушивалась к издаваемым ими звукам, всё пытаясь разобраться, что же они там делают? А сегодня они не утихомиривались до самого утра. Она слышала обрывки фраз вперемешку со скрипом кровати и стонами:

– Я тебя могу долго не видеть... Ты смотри там, ты красивая, будут липнуть мужики, береги себя... Смотри мне... – шептал он.

– Ну что ты, как можно... Я всё понимаю... Я буду ждать... – отвечала мать.

Снова звук поцелуя, скрип кровати... И так до самого утра.

Утром отец рано ушёл. Мать подняла детей, накормила. Она очень нервничала, и её настроение передалось детям. Ленка сидела злая, невыспавшаяся, хныкали младшие сёстры. Но мать их не утешала, она сама сидела растерянная и молчаливая.

Отец приехал на грузовике.

– Скорее, дети, Аня, скорее! Поезд через час отходит! Давайте вещи! – быстро говорил он.

– Я писать хочу! Мама, писать! – заныла Лариска.

– Ну, как же ты не вовремя! Пошли скорее, – откликнулась мать.

Наконец они вышли из квартиры. Ленка заметила, что мать не закрыла квартиру на ключ, просто прикрыла дверь, переглянувшись при этом с отцом. Всех погрузили в машину, забросили узлы в кузов и поехали на вокзал.

На вокзале творилось что-то ужасное. Крики, плач, толкотня... Люди, ожесточённые и нервные, толкали друг друга, не замечая ни детей, ни узлов. Каждый был занят собой и думал только о себе. Мужчины, правдами и неправдами втолкнув свои семьи в вагон, только после этого переводили дыхание, стояли у окон вагонов и переговаривались с родными, рыдающими в вагонах. Отец только успел втолкнуть Анну с детьми в вагон и передать через окно узлы, как поезд тронулся.

– Платон! Пропаду я с ними, пропаду! Платон, я лучше останусь! – кричала со слезами мать.

– Аня, держись! Это ненадолго! Я напишу, где буду! Детей береги! – кричал и бежал вдоль вагона отец.

Ленка держала за руку плачущую мать и плакала тоже. Малыши притихли, но уже через полчаса попросили есть. И тут мать охнула:

– Карточки! У отца в кармане остались карточки! Чем мне вас кормить? Продуктов только на два дня!

Женщины сочувственно молчали, но ни одна не дала ни одной карточки, все думали о своих детях.

Ехали уже третьи сутки, еда закончилась, и дети с завистью смотрели на других детей, которые ели продукты прод-

пайка, выдаваемых семьям военных на железнодорожных станциях. С ними, конечно, делились, но неохотно, а гордая Анна стеснялась лишний раз попросить. Ехали так медленно, что иногда можно было даже бежать вдоль поезда. Эшелон пропускал все поезда, идущие на фронт. Лишь к концу третьего дня добрались до узловой станции Жмеринка, где их состав должны были отправить уже в Россию на Урал. Все сидели в вагонах и ожидали отправления. Отойти нельзя было ни на минуту, никакого расписания не было, поезд мог тронуться в любую секунду, и легко можно было отстать. Солнце было в зените, жара стояла невероятная, в вагоне пахло потом и невымытыми телами, маленькие дети уснули.

Вдруг раздался какой-то странный звук – тихий, свистящий, который очень быстро набирал силу и превратился в рокот двигателей самолётов. Все подняли головы вверх. Шесть самолетов необычной конструкции летели прямо над станцией.

– Все из вагонов! Это немцы! Всем покинуть вагоны! Бегите подальше от вагонов! Все из вагонов! – закричал сильный мужской голос.

Толпа кинулась из вагонов, сметая на своём пути всех, кто замешкался. Кричали дети, женщины, кто-то хватал и тут же бросал свои вещи, понимая, что с ними далеко не убежать. Анна сидела в глубине вагона, прижав к себе троих детей. Она одной из последних выскочила из вагона, когда уже раздалась первые взрывы. Снаряды сыпались вокруг, оставляя

огромные воронки и разорванные тела людей. Она было побежала, как и все, от вагона, но почувствовала, что не может идти и нести двоих маленьких. Оглушенная взрывами и испуганная картиной окровавленных тел, она присела на землю метрах в ста от вагона, накрыла руками своих детей и так сидела, как парализованная, пока не прекратилась бомбёжка.

«Если суждено, так погибнем все вместе, без меня дети всё равно не выживут», – крутилось в голове.

– Закройте глаза и не открывайте, пока я не скажу! – закричала она детям и сама закрыла глаза, чтобы не видеть всех ужасов массовой гибели людей.

Вскоре вой двигателей самолётов и звук рвущихся снарядов сменился густой тишиной, которую разорвали не менее ужасные крики и стоны раненых и перепуганных взрослых и детей. Люди бросились искать своих родных, зачастую находя лишь окровавленные тела. Вой стоял страшный. Только Анна не кричала и не плакала, она сидела в той же позе, прижав к себе детей. Дети тоже молчали.

– Эй, вставай! Расселась... Испугалась так, что ли? – спросил проходящий с носилками мимо санитар. Анна открыла глаза, удивляясь тому, что они выжили, все выжили!

– Дети! С вами всё в порядке? – принялась она осматривать и ощупывать детей.

Вот теперь они заорали, и остановить их она никак не могла. Анна потащила их к вагону искать вещи, но их вагона

просто не было, а в груди обломков своих узлов они уже не нашли. Анна пошла на станцию к начальнику.

– Я жена офицера. Моя фамилия Пацалюк. Мы потеряли карточки. Помогите, у меня трое детей, – просила она.

Ей дали на слово сухой паек на три дня, но карточки восстановить не было возможности без запроса с последнего места службы мужа. Ехать на Урал без продуктов с детьми Анна не могла, они бы умерли с голоду. Анна помнила, как неохотно прощались с продуктами соседи по вагону, и она решила добираться к своей свекрови в деревню. Туда можно было поездами добраться дня за два.

Добирались неделю, продуктов не было, дети плакали и просили есть. Выручало их то, что, когда они проезжали деревни, сельские женщины бросали им в теплушки кто картошку, кто яблоки. Так и держались. К ночи на подводе мужик довёз их к дому свекрови.

– Вот ещё, три рта привезла... Что же Платон ещё четвертого не настрогал? – встретила её свекровь.

Она никогда не любила Анну, которая была из зажиточной семьи сельского кулака. Когда молодой Платон приехал «поднимать» деревню по партийной путёвке, он сразу влюбился в красивую дочь местного кулака. Они тайно встречались, понимая, что отец Анны будет против её брака с «голытьбой», которым являлся Платон. Но вмешалась судьба. Платон увидел список раскулачиваемых крестьян, в котором на первом месте значился Остапчук, отец Анны. Вечером он

предупредил Анну, что, если её отец не сдаст всё своё имущество в колхоз, то утром отберут всё и семью сошлют в Сибирь. Анна передала это отцу и тот, собрав стадо коров, коней, две подводы семенного зерна, подводу домашнего скарба, ночью привез всё к сельсовету, где день и ночь принимали имущество кулаков, которые решили «сотрудничать» с советской властью. Утром он стал бедняком, но у него осталась изба с голодными детьми и возможность продолжать жить в своей деревне. Платон с Анной поженились, но «богачку» мать Платона так и не приняла. Вот и сейчас смотрела косо, даже детей по голове не погладила.

– Ладно, живи. Дети-то от Платона? – издевалась свекровь.

Анна терпела всё ради детей. Ехать было некуда, немцы оккупировали Украину. В их селе они не стояли, а бывали наездами. Делами управлял местный староста, которым назначили дядю свекрови. Почему его? Он был единственным мужчиной на всё село. Было голодно, но у свекрови была корова, которая давала молоко. Внуков от дочери свекровь не обижала. Вечером наливала им по кружке молока, и пока те пили, подзывала детей сына и по очереди, как лекарство, давала попить по столовой ложке молока каждой девочке. Они выпивали и долго причмокивали языком, пытаясь воспроизвести во рту этот волшебный вкус. Анна, вытирая слёзы, молчала.

Ей с детьми выделили комнатку, где она на самом вид-

ном месте повесила портрет Платона в гимнастёрке с офицерскими погонами, чтобы свекровь не забывала, чьи дети и ей хоть чуть было бы стыдно. В деревне все знали, что у старосты живет родственница – жена красного командира, но молчали. По всей оккупированной территории немцы искали семьи офицеров и расстреливали. Однажды в дом пришли немцы. Один из них заглянул в комнату Анны.

– Это что за женщина? Кто она тебе? – спросил он у старосты.

– Жена моя.

– А эта кто? – немец указал на жену старосты.

– И это жена моя. Сейчас мужиков нет, так у нас теперь по несколько жён. И дети все тоже мои, – врал родственник, закрывая спиной фотографию Платона. Он незаметно снял её со стены и сунул в руки Анны, а та за спиной потихоньку запихнула её под кофточку. Так немец не заметил фотографии русского офицера, иначе бы беды не миновать...

Больше Анна не вывешивала эту фотографию, а спрятала от греха подальше. Жизнь как-то наладилась. Анна работала на немецкой хлебопекарне, а по ночам пекла хлеб для партизан, который староста ночью возил в лес. И ей приходилось по ночам ездить в лес рубить ветви деревьев на дрова и тайно возить домой. Немцы за это жестоко карали, но надо было топить дом, и она, прихватив с собой старшую дочь, шла в лес.

– Мама, мне холодно! Я ног не чувствую, – хныкала Лен-

ка, но мать молчала, и Ленка шла с ней в лес.

В этот день в село вошёл карательный отряд. Неизвестно, кто донёс, но за Анной пришли и вытолкали её на городскую площадь, где уже были готовы пять виселиц. Её поставили у одной из них.

– Жёны офицеров – наши враги! Всех будем убивать и вешать! – провозгласил на ломанном русском фашист, и Анне набросили на шею верёвку.

– Мама! Мама! – закричала Ленка.

– Смилуйтесь, гер офицер! Она моя родственница, у неё трое детей, что я с ними буду делать? А мужа уже убили на фронте, у неё уже другой муж. Смилуйтесь, я вам верой и правдой буду служить! – молил староста.

– Хорошо, ты за неё отвечаешь, – офицер небрежным жестом указал карателям на Анну, и её втокнули в толпу. Она ничего не успела понять, стояла бледная и молчаливая, прижимая к себе детей. Её опять пощадила судьба...

Но не пощадила свекровь. Мало того, что она морила голодом бедных детей, так ещё и не сообщила Анне фронтовой адрес Платона, а ему написала, что Анна приняла калекку, вернувшегося с войны, и о Платоне забыла. Не выдержав больше такой жизни, Анна забрала детей и пешком пошла к своим дальним родственникам в село Вишенка под Киевом. Там они и жили до отступления немцев.

Ленка очень хорошо помнила, как они сидели в подвале, а над ними рвались снаряды, затем слышался топот сол-

датских сапог и гортанная немецкая речь. Потом наступила тишина, но выйти все боялись. И только, где-то через час, опять послышался топот сапог, но речь уже наша, русская! Люди высыпали из своих убежищ. Так для Анны и детей закончилась война, но не закончились мытарства.

Анне восстановили продовольственные карточки, привезли дров, дали отдельную избу, работу, но было тяжело с тремя детьми, еды не хватало. Она искала мужа по всем фронтам, но ответа не было. Время было тревожное. Бандеровцы, сотрудничавшие с фашистами и убивавшие своих же односельчан, не успели убежать с немцами и прятались в лесах, а ночью совершали набеги на сёла, грабили людей и убивали коммунистов, учителей, руководство сельсоветов. Был издан негласный указ – в ночное время никому не открывать дверь. Все боялись, особенно женщины с детьми, защитить их ночью было некому.

Однажды ночью в дверь раздался стук. Анна медленно поднялась с кровати и подошла к двери, стараясь не создать даже шороха. Тишина. Опять стук. Она на цыпочках подошла к детям, которые тоже проснулись и дрожали от страха.

– Молчите, не дай Бог хоть чихнёте, – наказала она им.

Снова стук и тихое:

– Аня! Это я!

Анна молчала. Бандеровцы могли узнать её имя и попытаться расправиться с ней, как с женой офицера.

– Анна, это я, Платон! Открой!

– Это папа! Папа! – закричала Ленка.

Анна с силой зажала ей рот рукой:

– Молчи! Этого не может быть! Нас могут убить бандиты.

Молчи!

А голос на дворе продолжал:

– Аня, это я. Я на неделю с фронта. Я узнал, что вы здесь.

Мне мать написала, что у тебя другой, вот я и не писал, поверил, дурак... Прости, Аня, открой!

– Если ты мой муж, назови имена своих детей, – только и смогла произнести Анна.

– Лена, старшая наша дочь, Лариса и Нина – младшая.

Да это я, открой, – послышался в ответ голос. Анна поняла, что это Платон, но сил подняться и открыть дверь у неё уже не было. Она сидела в оцепенении.

Нашлась Ленка. Она бросилась к двери и принялась отодвигать многочисленные засовы. С криком «Папка!» она бросилась на шею отцу.

Платон обнял всех, они сидели все вместе и плакали...

Баба Саша

Баба Саша была, как столб – ни сдвинуть с места, ни сбить с толку. Высокая, плотно сбитая, полная, немногословная, с длинными русыми волосами, заплетенными в косу, уложенную на голове короной. Её серые глаза всегда смотрели серьёзно и спокойно. Я не помню её плачущей, кричащей, смеялась она тоже крайне редко. Воплощение справедливости и размеренности, железной воли и невозмутимого спокойствия. Она жила в западно-украинском селе и считалась местной элитой. Во-первых, она имела большой кирпичный дом, во-вторых, её сын жил в городе и служил офицером, в третьих, в довоенное время она работала продавщицей в сельпо, а в селе – это очень высокая должность. Кроме того, она не была похожа на остальных сельских женщин и своим характером – цельным и бескомпромиссным на грани жестокости. Украинские женщины обычно мягкие и терпеливые, чего нельзя было сказать об Александре и в молодости.

Она жила на Западной Украине, где большой процент жителей составляли поляки. В одного из молодых и красивых поляков она по уши влюбилась. Он был полная ей противоположность – невысокого роста, черноволосый, кареглазый, стройный, из обедневшего старинного польского рода. Бедный, но образованный и гордый, он пленил украинскую

девушку своими барскими замашками, умом и обаятельностью. Их брак просуществовал недолго. Различия в уровне образования и в социальном статусе очень быстро разрушили их союз. Но их дети – мальчик и девочка удались на славу, здоровые и красивые, как мать, и умные и благородные, как отец.

Самое интересное в этой ситуации было то, что именно Александра ушла от мужа. Влюбилась так, как могла она одна – самозабвенно и цельно. Бросила мужа, маленьких детей и уехала в соседнюю деревню со своим мужчиной. Муж не выдержал такого позора, запил и решил вернуться в своё поселение к родственникам. «Что же делать с детьми?» – думала родня. Осудив и заклеймив непутёвую мамашу, решили оставить дочь с бабушкой, а сына решил забрать с собой отец. Александра не могла ничего сделать со своей любовью, новый муж не хотел знать её детей, а победить свою новую страсть она не могла. Так и жила, разрывая себе сердце.

Дочь Женька была под присмотром слепой бабушки, которая и за собой не могла присмотреть, не то, чтобы за маленьким ребёнком. Тяжело пришлось девочке... Голод, холод, полуразвалившийся дом с мышами... Спала одетая, укрывшись всеми дерюгами, найденными в хате, ела, что придётся, что подадут соседи. Сын Сергей подался с отцом к польским родственникам, но так у них и не прижился, воротили нос высокородные родственники от мальчика-полукровки. Они-то знатного польского рода и всегда были про-

тив этого брака. Быстро сосватали отца за красивую веселую польку, которой чужой ребёнок был не нужен. Сергей дома почти не жил, бегал по улице целыми днями, ел, что придётся и никому не был нужен.

Бог всё видит и воздаёт по заслугам. Не сложилась у Александры личная жизнь, бросил её мужик. Поплакала, погоревала... Одно её утешало, что теперь сможет собрать разбежавшихся по свету своих детей. Но стыдно, ой как стыдно возвращаться в родню, где её все осудили и отвернулись от неё! Но любовь к детям пересилила всё, и пошла Александра, посыпав голову пеплом, в родную деревню.

Узнала всю правду о бедственном существовании своих детей и умылась слезами. Собрала их по соседским хатам и стала перед ними на колени – просить прощения и разрешения принять её назад в семью... Мать на коленях перед маленькими детьми – только Александра могла так глубоко раскаяться! Дети приняли мать, и в семье воцарилась прежняя идиллия. Но теперь Александра зареклась влюбляться и терять голову. С тех пор у неё не было мужей, хотя кто только за ней не ухаживал! Она посвятила себя детям.

Как самую грамотную женщину деревни, её назначили продавцом в единственную в деревне лавку. В довоенное время лавка для деревни – это было средоточие цивилизации и всей жизни деревни в целом. Раз в неделю привозили товар, и с утра бабы стояли в очереди около интригующе закрытого магазина и слушали доносившиеся из-за закры-

той двери фразы: «Двадцать метров красного! Девять кило! Пять пар, да, ещё привезу!» Чего кило, метров и пар? Это была загадка века! Сглатывая слюну и теребя от нетерпения платочки, бабы живо обсуждали, что же это могло быть, привезли ли им заказанное заранее? И все завидовали Сяньке, что она-то уже давно в курсе, какие там метры и пары...

Баба Саша не спешила открывать лавку, даже когда машина давно уехала и товар был разложен по полкам лавки. Она любила эти блаженные минуты, когда все полки наполнены до отказа, когда пахнет свежей упаковкой, свежим хлебом, конфетами, пол лавки вымыт, вокруг чисто и тихо. Она ставила на плиту чайник и устраивала себе обеденный перерыв. Выпив одну-две чашки чая и продегустировав по одной все виды вновь привезённых конфет, не прислушиваясь к нарастающему ропоту за дверью лавки, она отмечала для себя вкус конфет, убирала со стола, наряжалась в белый халат и накрахмаленную белую корону. «Хороша», – взгляд в зеркало, и только тогда открывала дверь лавки.

Вовнутрь вваливался разгоряченный догадками народ. И тут баба Саша была на высоте своего величия. Над головой летал метр, отмеряя долгожданные метры ситца, в серые бумажные кульки сыпались килограммы вкуснейших карамелек, о которых она всё знала и могла посоветовать покупателям, перекидывались покупателями через плечо пары кожаных ботинок, было весело и празднично. Часть этого праздника перепала и детям, крутившимся около матери

в лавке. У них всегда в кармане нет, да и находилась полурасплавленная карамелька, и соседские дети с ними охотно водились.

Но этой «обеспеченной» жизни пришёл конец. Началась Великая Отечественная война, Украину оккупировали немцы, один из отрядов остановился в Степановке, где и жила баба Саша с семьёй. Баба Саша за несколько дней до этого успела раздать односельчанам всё содержимое лавки, а люди надёжно спрятали запасы. После этого она закрыла пустую лавку на ключ и ушла домой. Когда немцы вошли в деревню, тут же, в надежде вкусно поесть, послали за ней, чтобы открыть лавку. Она принесла ключ, молча открыла и показала пустые прилавки. Немцы хотели её расстрелять за саботаж, но она твердила, что товар давно не привозили. И никто из односельчан её не выдал. Отпустили к детям, пожалели. Через неделю немцы уже сами завезли продукты в лавку и позвали её выдавать их немцам, но баба Саша сослалась на тяжелую болезнь и не пошла к ним работать. Так для неё закончилась работа в торговле.

Всю войну голодала вместе с детьми. Продукты из лавки закончились в первые же полгода. Ходила вместе с другими женщинами и детьми воровать на полях мёрзлую картошку и свеклу, гречиху и пшеницу со стогов, не помеленных на муку до войны, немного сажала картошки, летом сушили фрукты на зиму, благо сады по-прежнему цвели и плодоносили. Так дожили до освобождения оккупированной Укра-

ины советскими войсками. А уж когда бежали немцы через деревню, баба Саша совсем перестала их бояться. Оставалась у бабы Саши парочка припрятанных кур, которых она берегла, как зеницу ока. Когда все войска немцев прошли через деревню, она выпустила курочек погулять. Куры белого света давно не видели, ходили, как слепые. И тут вбегает во двор припозднившийся беглец – рыжий, худой, в форме с оборванными погонами, фриц.

– Матка, млеко! Матка, яйцо! – закричал он бабе Саше и тут увидел на беду свою гуляющих кур. Он сам опешил от вида такого богатства и принялся гоняться за курами, которых мог легко поймать, так как те были совсем слепыми. Баба Саша, не долго думая, вырвала из тына увесистую палку и как въехала по спине «победителя»!

– Я тебе сейчас дам и яйца, и млека! А ну, дуй отсюда! У меня в доме уже русские, слышишь, русиш в доме у меня сидят! Счас как позову, каюк тебе! Тикай скорее! – напустилась на него баба Саша.

Немец кинулся наутёк, а спасённых кур баба Саша быстренько прибрала обратно в сараюшку от греха подальше.

Закончилась война, опять собрали колхозы. Техники и мужчин было мало, продуктов тоже, но потихоньку жизнь налаживалась. Возвратившиеся из фронта мужики, голодные на женскую ласку, засматривались и заходили к бабе Саше, но она всем давала от ворот поворот, наученная горьким опытом. Сын Сергей начал работать в колхозе. Постепен-

но дорос до должности конюха в конюшне, было ему тогда шестнадцать лет. Однажды он поехал на подводе, запряженной двумя лошадьми, в райцентр отвозить колхозное зерно в районный посевной фонд. Разгрузился и зашел на минутку выпить чаю в столовую. Возвращается, а подводы с лошадьми нет... Видно, сработали цыгане, которые тогда угоняли лошадей нещадно. И как успели? Ведь всё время в окно смотрел и лошадям ноги спутал? Но что делать? В то время за материальный ущерб легко могли и расстрелять, как саботажника. Не вернулся Сергей в деревню, пошёл бродить по городам и селам, тем более что опыт бродяжничества у него был, когда мать его оставила. Паспорта у него не было, тогда в деревнях паспорта людям на руки не выдавали, чтобы те не сбежали в город. Помыкавшись и поголодав, в одном из райцентров Сергей прочитал объявление о приёме на учебу в педучилище и зашёл туда. Читать и писать он умел хорошо, и его тут же зачислили, предоставив общежитие. Паспорт он, якобы, потерял, а пока делали запрос, он и закончил училище, получил высокое звание советского педагога и был направлен в деревню не кем-нибудь, а директором сельской начальной школы! В восемнадцать лет быть директором школы – это было очень почётно, и он в лаврах приехал в отпуск в родную деревню, где узнал, что лошадей нашли у цыган через месяц и никто его не собирался расстреливать. Статус бабы Саши в деревне резко пошел в гору, ещё бы, сын – директор школы! С тех пор она начала

относиться к сыну, как ко взрослому, уважительно, и даже несколько с чинопочитанием, как и положено перед начальством. Она никогда никого не боялась, но такое небольшое чинопочитание у неё всегда присутствовало, как дань советскому воспитанию.

Жизнь дочери Жени сложилась, как и у большинства сельских девушек. Скромная и тихая, она никого из парней сама выбрать не смогла. Работала в колхозе наравне с бабой Сашей, а вечерами ходила в сельский клуб, где и влюбился в неё местный интеллеktуал Иван. Он играл на баяне, знал нотную грамоту, мог собрать и починить радио, телевизор, чем резко отличался от остальных сельских ребят. Правда, имел вспыльчивый и неуживчивый характер, но и на солнце есть пятна. Они поженились и один за другим родили бабе Саше внуков – Люду и Васю. Так баба Саша из Александры окончательно превратилась в бабу Сашу и занялась воспитанием внуков.

А в это время женился и сын Сергей, который теперь был большим начальством, пошел в армию, стал офицером и служил в областном центре Ровно, большом городе. Его женой стала молодая учительница Лена, дочь офицера, красивая, очень хорошо воспитанная, даже жившая с семьей в Германии, где её отец служил после окончания Великой Отечественной войны. Сергей приехал к матери в деревню представить молодую жену. «Эх, хороша девка, да белая кость, чужая, городская, не наша», – резюмировала мысленно

но баба Саша, но виду не подала. Молча изучала невестку, удивлялась её мастерству в приготовлении еды и хвасталась перед соседками белоснежной нижней юбкой, постиранной невесткой. А когда родились внуки Саша и Ира, она с удовольствием брала их к себе на лето, особенно Иринку, которая была больше похожа на сына.

Ира любила бабу Сашу, которая казалась ей образцом справедливости и честности. Сказала – как отрезала, и никаких компромиссов. Но внучку свою баловала. В выходные, в базарный день, Баба Саша ездила в районный центр на рынок, и оттуда обязательно привозила девочке гостинцы: то ситцевое платье в мелкий цветочек, то ярко-желтую вязаную кофточку... Все вещи были обязательно на вырост. Эта привычка покупать вещи на вырост появилась у бабы Саши давно, еще с её голодного детства. Так делали её мать и бабушка, так жили все бедные люди. Убедить, что ребенок выглядит странно в вещах больше нужного на два размера, бабу Сашу было невозможно. «Через год-два будет как раз, и ещё на год, может, хватит, а пока можно и пояском подпоясаться», – уверенно парировала она. По утрам в зале, самой большой комнате дома, куда селила баба Саша внучку, в окно раздавался стук, распахивалось окно и сонной внучке вручалась большая эмалированная миска с салатом из зеленого лука, яиц и сметаны, который тут же съедался огромной столовой ложкой. Девочке была предоставлена полная свобода общения с деревенской ребятнёй, и она, наряженная в длин-

ное цветастое ситцевое платье, то сидела на куче навоза с подаренным ей местными мальчишками коршуном на руке, то в компании детей возилась в теплой дорожной грязи, которая образовывалась после проливных летних дождей, то лепила со взрослыми лепёшки из навоза с соломой и смачно шлёпала их на каменный забор для просушки, то следила за кошкой, которая перепрыгивала от детей новорожденных котят, то вместе с ребятами пряталась в высокой кукурузе и курила самокрутки из газеты и кукурузных волосков, то участвовала в коллективных набегах на колхозные поля гороха... Чего только не выделяла она в компании себе подобных, но о своих проказах бабушке – ни-ни...

В один из летних дней произошёл случай, который навсегда укрепил авторитет бабы Саши в глазах внучки и сделал его непререкаемым. Бани в доме не было, и все мылись в летней кухне в большом тазу, нагревая воду на печке. В один из помывочных дней, когда все покупались, баба Саша, как обычно, мылась последней. Внучка Ира с братом крутились во дворе, поджидая ужин. Делать было нечего, и в голову пришла крамольная мысль подсмотреть за моющейся бабой Сашей. Перешёптываясь, они приставили к стене лестницу, вскарабкались на неё и заглянули в маленькое подслеповатое оконце почти под крышей. Баба Саша, непостижимым образом почувствовав на себе чужие взгляды, повернулась к окну лицом, увидела детей, но не засуетилась в попытке спрятаться, а повернулась к ним спиной и демонстративно пока-

зала им свои необъятные голые ягодицы. Дети, как горох, посыпались с лестницы. Им было невыносимо стыдно, они ничего толком не смогли рассмотреть, окошко было пыльное, в паутине, но они поняли, как себя повела баба Саша и оценили целостность её натуры, смелость и правильность поведения. Когда баба Саша вышла из летней кухни чистая, в новой одежде, розовая и распаренная, дети, как мыши, сидели за столом и не поднимали глаз, ожидая наказания. Баба Саша молчала, молчали и дети, как будто ничего не произошло. С тех пор попыток как-то нарушить реноме бабы Саши больше не было, она стала для детей непререкаемым авторитетом.

Иногда зимой она приезжала в город к детям. Но в городе ей было скучно... Целыми днями она стояла в окне, наблюдая суетливую городскую жизнь и, кажется, ждала, когда же сможет вернуться в родную деревню. Шло время, баба Саша старела и теряла силы, начала болеть. Сын, как мог, помогал ей, и деньгами, и помощью в лечении, старался как-то разнообразить её жизнь. А однажды обрадовал свою мать и удивил всю деревню. После увольнения из Вооруженных Сил он работал начальником отдела кадров в «Трансинтергазе», предприятии по транспортировке газа в Европу, где существовала вертолетная служба наблюдения за газопроводом, а газопровод проходил недалеко от деревни бабы Саши, и сын Сергей, чуть изменив маршрут облёта газопровода, приземлился на вертолёт прямо на огород за домом ма-

тери. Сбежалась вся деревня!

«К Сяньке сын прилетел! На вертолёте! Ты смотри, какой начальник большой! На вертолёте!» – кричали бабы. Счастливая баба Саша никогда не демонстрировала своих эмоций, и сейчас стояла молча, только глаза выдавали её счастье.

Баба Саша серьезно заболела и её госпитализировали... За день до её смерти сын приехал к ней в больницу, она вышла к нему, они долго разговаривали. Она уверяла, что ей лучше, скоро выпишется домой, просила не беспокоиться и уезжать домой. Сын уехал, а через пять часов её не стало. Ушла достойно, тихо, во сне... Внучка Ира к тому времени вышла замуж и жила на Дальнем Востоке, в Хабаровске. Она была в положении и родители решили не рассказывать ей о смерти любимой бабушки. Но как объяснить, каким образом молодая женщина почувствовала беду? Чувство беспокойства появилось внезапно, и она бросилась обзванивать родных, которые жили в центральной Украине. Домашний телефон молчал, а на работе отца секретарь ровным голосом сообщила, что «...Сергея Фёдоровича нет, он поехал хоронить мать...»

Для Ирины это была первая смерть родного и близкого человека, любимой бабушки, бабы Саши... Было невыносимо тяжело и от потери, и от того, что она не успела попрощаться с бабушкой... Не успела и баба Саша увидеть маленького будущего правнука, сердце которого уже билось внутри женщины, не давая возможности закончиться роду Силецких...

Чужая среди своих

Ане было страшно. Их согнали в деревянный сарай, стоящий во внутреннем дворе школы. Она бывала здесь не раз, это был настоящий Клондайк для таких любопытных ребят, как она. Здесь многие годы складировался старый школьный инвентарь: поломанные парты, стулья, столы, мячи, горны, кипы старых школьных сочинений, контрольных. Здесь был даже глобус с огромной дырой в боку, где-то в районе Северной Америки, какие-то чернильницы, ручки, вазы, коробочки, спичечные коробки, обломки каких-то поделок – всё, чем занимались школьники долгие годы своей учебы в школе. Выбрасывать их произведения после конкурсов было жаль, вот всё и накапливалось в этом сарае. Она любила забираться сюда с подругами, рассматривать рисунки, читать старые сочинения ребят, которые уже давно стали взрослыми. Это было так необычно, экскурсии в чью-то прошлую жизнь. Её всегда охватывало сладостное ощущение перед очередным походом в волшебный сарай, даже когда она окончила школу и, не поступив в институт, работала в родной школе пионервожатой.

Сейчас такого ощущения не было. Она снова здесь, но ей очень страшно. Знакомая обстановка не приносила облегчения. Их было много, согнанных с их района города людей, почти все стояли, было душно, плакали дети, всхлипы-

вали женщины, покашливали старики. Сарай был ветхим, сквозь деревянные стены пробивались пыльные солнечные лучи. Под крышей кое-где не было досок, она прохудилась, и сквозь эти дыры солнце нещадно жгло головы людей, которые уже несколько часов без воды находились в этом душном сарае.

На улице был разгар лета, август. С утра все бегали, как угорелые, складывали документацию школы, наиболее ценные вещи и аппаратуру. Надо было спешить. К двум часам дня должны прислать грузовик, который должен был доставить груз и людей к поезду, одному из последних, уходящих из города. Тревожные сводки с фронта были неутешительными. Фашисты быстрым темпом приближались к городу. Время от времени раздавался звонок из обкома.

– Ну, вы готовы? Машины пока все заняты. Как только хоть одна освободится, сразу к вам!

– Да, да, ждём, – отвечала она и опять носилась от коробки к коробке. Она тоже должна была уехать этим поездом на Урал. Отец уже на фронте, мать с младшим братишкой уехала на неделю раньше к родственникам в Магнитогорск, а она должна была сопровождать груз и приехать к ним. Она планировала в первые же дни прийти в военкомат и попроситься на фронт добровольцем, вот только курсы какие-нибудь пройти медицинские и скорее бы на фронт.

Уже был полдень, а машины всё не было. И звонков что-то давно нет... Аня подняла трубку телефона, гудка не было.

Она пощёлкала по рычажку, но гудок не появился. «Опять та же история, – подумала Аня. – Сколько звонила на телефонную станцию, бесполезно. Говорят, надо проводить новую телефонную линию. Ну ладно, у меня всё готово, буду ждать машину». Аня побежала в кабинет директора.

– Элла Леонидовна, телефон не работает, машины нет, но у меня всё готово.

– Хорошо, Аня. Вот погрузим всё, доставим и будем ждать конца войны.

– Я ждать не буду. Я на фронт пойду, я молодая и сильная. Моё место там.

– Ладно, давай сделаем пока это дело, а там посмотрим, – улыбнулась директор.

В школе было тихо. Вдруг раздался грохот открываемой входной двери, топот сапог и звуки открываемых одной за другой дверей классов. Аня и директор переглянулись и застыли на своих местах. В этот момент резко распахнулась дверь кабинета директора. На пороге стоял немецкий автоматчик. Он навёл на них автомат и молчал, сверля их глазами. Они молча, медленно поднялись со стульев, неотрывно, как замороженные, глядя на него. Анна во все глаза смотрела на автоматчика и понимала, что в кабинет вошёл не фашист, а вошла война...

Война шла уже второй месяц, на передовой гибли люди, сводки с фронта сообщали о покинутых советскими войсками населённых пунктах, об уничтоженной военной технике,

но это было далеко. И вот она, война, на пороге её школы.

– Шнэлле! – резко гаркнул солдат, быстрым шагом подошёл к ним, толкнул обеих в спины автоматом в направлении двери, заставляя следовать впереди себя. Они вышли в коридор и направились к выходу, подталкиваемые автоматчиком.

На улице стоял шум и крик. Машины с немецкими солдатами подъезжали одна за другой, из них выскакивали автоматчики и бежали вдоль улиц, вламывались в дома и выгоняли на улицу испуганных людей. По обочинам ехали мотоциклы с автоматчиками и поднимали клубы пыли. Людей сгоняли на школьный двор. Кто-то пытался убежать, их били прикладами, сапогами, с криками и гоготом загоняли в уже стоявшую там перепуганную толпу людей, окруженную автоматчиками. Аня влилась в толпу. Широко открытыми глазами она смотрела на этот ставший ей чужим, когда-то родной окружающий мир. Немецкая речь, редкие выстрелы, лай и визг собак, плач и крики людей, жара и пыль – это был какой-то кошмарный сон.

Она искала глазами хоть что-то, за что можно было зацепиться, чтобы хоть как-то сохранить потерянное душевное равновесие, и нашла. Она стояла у центральной клумбы с цветами. На огромном красном пионе деловито копошился, раздвигая лепестки, которые прогибались под его тяжестью, мохнатый шмель. Какое ему было дело до проблем людей, до того, что на земле идёт война? У него текла обычная летняя жизнь, он занимался своим обычным делом. Его

жужжание в ушах Ани нарастало, ширилось, превращалось в ужасающий гул. «Неужели шмель может так громко жужжать?» – подумала Аня и поняла, что гул доносится сверху. Она подняла глаза к небу и увидела несколько самолётов с фашистской свастикой, низко летящих над городом. Она перевела взгляд на шмеля. Он уже перелетел на другой цветок, покопошился в нём, а затем улетел, тяжело подняв своё грузное тельце...

Толпа увеличивалась, проглатывая всё новых и новых задержанных.

– Шнэлле! Шнэлле! – закричали солдаты из оцепления, расступились со стороны сарая и начали толкать автоматами крайних людей, загоняя их в сарай. Так она оказалась здесь, директор потерялась из поля зрения ещё во дворе школы, вокруг были незнакомые люди, пахло потом, стояла духота. Аня почему-то вспомнила шмеля. «Он живет своей прежней жизнью, не смотря на войну. Я так не могу, не смотря, я ведь человек и всё понимаю, но жить все равно надо даже в такой ситуации. Так, надо собраться с мыслями, – думала она, – Они нас здесь сколько-то времени подержат, но потом начнут разбираться, кто есть кто, и тут выяснится, что я комсомолка, пионервожатая школы, о чём говорят мои документы во внутреннем карманчике безрукавки. Их надо немедленно спрятать». Она оглянулась вокруг, она здесь знала всё, как свои пять пальцев. Вон в том углу лежит под столом старый глобус. Она начала медленно передвигаться

в эту сторону, с трудом пробираясь сквозь плотно стоящих людей. Незаметно забравшись под стол, она обнаружила глобус на старом месте, вынула из кармана документы, быстро сунула в дыру глобуса и запихнула его поглубже под стол. Теперь она никто, просто девушка, а документов нет, потеряла.

Уже стемнело, а к ним никто не приходил. На улице слышался смех фашистов, топот сапог, немецкая речь. Наконец всё стихло, и город погрузился в душную летнюю ночь. Люди устали, дети уснули на руках взрослых, а взрослые, кто как смог, пристроились на полу и поломанной мебели сарая. К душному воздуху сарая добавился резкий запах человеческих испражнений. Люди полдня находились здесь и для туалета выделили угол сарая, поближе к выходу, чтобы запах немного выветривался. Об этом из ложной стыдливости редко пишут, но все мы – люди, от нашей физиологии не уйти, где много людей, там всегда проблемы – пища, питьё, одежда и туалет. Люди ко всему приспособляются, так произошло и сейчас. О стыде речи не было, люди выживали.

Ане показалось, что она только-только прикрыла глаза, как раздался скрежет отпирающихся ворот сарая, в глаза ударили утренние солнечные лучи.

– Выходите все во двор! – кричал на ломанном русском языке немецкий переводчик. Заплакали разбуженные дети, толпа вывалила во двор.

– Стройся в один ряд! – прозвучала команда, и автоматчики прикладами выровняли часть людей в один ряд.

Со школы вышел немецкий офицер и в сопровождении солдат пошёл вдоль первого ряда людей. Кивком головы прямо, налево и направо он сортировал людей на три категории, и солдаты тут же разгоняли их на три группы. Одна – старики и старухи, вторая – матери с детьми, третья – молодые и на первый взгляд здоровые люди. Он с любопытством рассматривал славянские лица, лица врагов. Пропаганда Геббельса рисовала ему совершенно иную картину. Это ведь низшая раса, практически не люди, а они вон какие, мужчины немногословные, с умными глазами, не скажешь, что глупее нас, а женщины – просто красавицы. Он этого не ожидал. В Европе женщины есть очень неплохие, но они слишком эмансипированы, слишком самостоятельны, а самое главное – не так красивы. Он размышлял над этим, почему здесь, в России, женщины красивее? И мысль пришла сама собой. Он имел высшее образование, интересовался историей и знал, сколько красивых женщин в Европе инквизиция сжигала на кострах, обвинив их в том, что они ведьмы. Может, оттого так мало осталось красавиц? У славян этого не было. Славянские женщины совсем другие – мягкие, покорные, преданные, красивые, совсем другие... «Вот эта, например, – подумал он и остановился напротив Ани, – Хороша! С такой бы не грех и заняться любовью. Хотя, видно, она не знает, что это такое, дикарка, лет восемнадцать-девятнадцать, не больше». Кончиком пальца он коснулся её подбородка и поднял её лицо вверх. Анна смотрела вниз, боясь

даже взглянуть на немца.

– Смотреть вперёд! – крикнул переводчик, и Аня подняла глаза на офицера. «Да, хороша! Голубые глаза – это нечто! У меня уже два месяца не было женщины. Что они там себе думают, в штабе. Как воевать мужчине, лишённому самого необходимого!» Он отдернул свою руку и пошёл дальше. В нём нарастало раздражение. Он был недоволен сегодняшним днем, плохо спал ночью, а тут ещё эта красивая девушка с огромными голубыми глазами, полными ненависти.

Тем временем толпа уже вся была разделена на три группы. Люди, которых разлучили, плакали, что-то кричали. Зато молчали дети, они были с матерями. «Опытные, – подумала Аня, – знают, что больше всего крика будет, когда отнять у матерей детей». Она знала это по своей работе с пионерами, которые, оставаясь в пионерском лагере, скучали по родителям и даже плакали, хотя и знали, что разлука ненадолго. А тут такое... Она стояла в группе молодых ребят и смотрела, что будет дальше. Что она ещё могла сделать? Стариков погнали колонной вдоль улицы. Они шли медленно, кто-то хромал, кто-то опирался на палочку, кого-то вели под руки. «Куда их? – с грустью и тревогой подумала Аня. – А вдруг расстреляют? Зачем им старики? А может и нет...» Она отгоняла от себя страшные мысли. Офицер махнул рукой, и автоматчики бросились к группе матерей с детьми. Детей вырывали из цепких рук женщин, крик стоял страшный, нечеловеческий. Детей тут же сажали в машины, а матерей сгоня-

ли к группе молодых людей. На это невозможно было смотреть, это был ужас, умноженный надвое... Забрать у самки детёныша – может ли быть большой грех на земле? Аня с ужасом смотрела на это, но ничем никому не могла помочь. По её щекам текли слезы жалости к бедным матерям и их детям, слёзы обиды за свою такую нелепую судьбу – попасть в руки фашистов, слёзы ненависти к врагам и слёзы страха за свою собственную жизнь.

Тем временем увели колонну стариков, машины увезли детей, а их большую группу опять погнали в сарай и закрыли там. Их стало значительно меньше, было легче дышать, можно было прилечь, но спокойнее не становилось. Тихо плакали и причитали матери, потерявшие своих детей. Женщин оказалось значительно больше, чем мужчин, да это и было понятно, взрослые были на фронте, в городе остались лишь подростки непризывного возраста и старики. Когда совсем стемнело, и люди начали засыпать, вдалеке послышались длинные автоматные очереди, это длилось не меньше получаса. Все подумали о колонне стариков, об их возможном расстреле. Верующие начали креститься. «Что с нами будет дальше?» – думала Аня, и ей опять становилось невыносимо страшно. Она забылась чутким сном и проснулась оттого, что её больно толкнули в спину. Она открыла глаза и увидела офицера, который так внимательно изучал её утром во дворе школы. Он стоял над ней, внимательно изучая её крепкое тело. Аня быстро одёрнула платье, прикрыв

ноги до самых сандалий и села, свернувшись в клубок.

– Вставай! Иди с нами! – рявкнул переводчик. Она нерешительно встала и пошла за ними. У двери сарая стояли ещё десятка два женщин. Их вытолкнули во двор и закрыли сарай.

– Пойдёте с нами! Будете помогать немецким солдатам готовить кушать и отдыхать! – сказал переводчик, и женщины молча последовали за ним.

В школьной столовой были сдвинуты столы, на одном из которых грудой лежала еда: консервы, колбаса, яйца, хлеб, шоколад, конфеты, сало, стояли бутылки с водкой и какими-то немецкими, видимо, напитками.

– Накрыть столы! Всё сделать красиво, вкусно и быстро! – кричал переводчик. Женщины быстро накрыли столы, расставили тарелки. Они уже сутки не ели, а еда так вкусно пахла! У Ани в животе урчало, она глотала слюну, перед глазами плыли круги. «Хотя бы попить, – подумала она, – Хотя бы краюшку хлеба». И вдруг раздалась короткая автоматная очередь и одна из женщин медленно опустилась на пол, сжимая в руках надкушенное яйцо, а затем как-то неловко завалилась на бок и замерла с открытыми глазами. Женщины обернулись в её сторону и замерли от ужаса. Все поняли, что её расстреляли за то, что она не выдержала и надкусила яйцо. Это было так дико, непонятно, непривычно. «За что, за еду можно так просто убить? Так мы для них совсем не люди!» – лихорадочно думала Аня. Мёртвую жен-

щину подхватили под руки два солдата и выволокли со столовой куда-то на улицу. Женщины сбились в кучку и стояли в углу, прижавшись друг к другу.

– Так будет с каждым, кто будет мешать немецкому солдату жить, есть и воевать! – гоготал переводчик. Его смех подхватили немцы, выслушав перевод. В столовую ввалились немецкие солдаты и расселись за столы. Женщин загнали в угол столовой, и они оттуда наблюдали, как едят и пьют их враги. Есть хотелось невероятно. Офицер произносил тосты, они пили, смеялись. И вдруг один из них кинул в сторону женщин надкушенный кусок хлеба. Он не долетел до них несколько метров, женщины замерли. Они смотрели на этот кусок и в них боролись противоречивые чувства: голод и желание взять этот кусок и чувство унижения, ведь им бросили еду, как бросают бродячим собакам. Замешательство длилось недолго, одна из женщин бросилась к этому куску, схватила и с жадностью стала его есть. Немцы загоготали и оживились. Они стали бросать в женщин остатки еды со стола, как по мишеням, стараясь попасть в лицо, голову, а те подбирали всё это, ели и распихивали по карманам. Аня смотрела на это ужасное унижение, стояла долго молча и плакала. В неё попадали едой, но она не увёртывалась, она стояла, плакала и грызла кусок хлеба, непонятно как оказавшийся в её руках.

Офицер сказал что-то переводчику.

– Хватит! Идите отдыхать! Дайте им помыться! Шнэлле! –

закричал им переводчик. Их вытолкали из столовой в раздевалку спортзала, заставили раздеться и погнали в душ мыться. Вода была холодной, в городе отключили горячую воду на профилактику но так и не успели её включить. Женщины стояли под ледяными струями воды без права выйти из-под них и дрожали от холода, стыда и страха, а немцы смеялись над ними и нахально рассматривали.

– Выходи! Хватит мыться! – крикнул вошедший переводчик. Женщины бросились к своей одежде с карманами, набитыми едой, но их отогнали от неё и повели в столовую голыми. Женщины поняли, что будет дальше, и закричали, заплакали. Одна, совсем молоденькая девчушка, проходя мимо класса, резко открыла дверь и забежала вовнутрь. За ней бросился автоматчик, женщины остановились, прислушиваясь к тому, что происходило за дверью. Хлопали парты, слышались звуки борьбы, затем крики бедной девушки, сопение и крики немецкого солдата. Все застыли, кто плакал, кто в ужасе молчал, смеялись лишь немцы. Прошло минут пятнадцать, и вдруг за дверью класса раздалась автоматная очередь, и через минуту в двери показался немец с довольной улыбкой и с автоматом наперевес. Женщины поняли, что он изнасиловал девчушку и потом расстрелял, они громко заплакали.

– Так будет с каждым, кто будет мешать немецким солдатам воевать и отдыхать! – опять закричал переводчик. Женщины поняли, что спасения и жалости им не ждать, что их

жизнь ничего не стоит, и горько оплакивали свои судьбы, они смирились с неизбежным горем.

То, что происходило в столовой, уже не имело для них значения, они испили чашу унижения до дна. Их насильовали прямо в столовой, по многу раз, а затем погнали в раздевалку к их одежде, не дали одеться, а с одеждой в руках выгнали во двор и загнали в сарай. Они стояли у входа и плакали. Бедные русские женщины, сколько вам ещё придётся вынести за эти долгие годы войны...

К ним бросились женщины, начали натягивать на них одежду, утешать, содрогаясь в душе от увиденного. Одна из вошедших женщин начала истерически смеяться, рвать на себе волосы, её держали и успокаивали. Другие дрожащими руками вынимали из карманов еду и, плача, раздавали людям в сарае. Пришла ночь и унесла с собой ужас вчерашнего дня.

Аня не спала. То, что она пережила за сегодняшний день, можно было назвать смертью. Она не думала, что ещё живет, в ней всё умерло: надежды, мечты, все желания разом. Да она и не хотела жить, зачем? Она уже не человек, она – животное, сегодня ей это доказали фашисты. У неё болело всё тело, ныли ссадины и синяки, её избивали, потому что она сопротивлялась. Её сразу отделили от других женщин и повели в кабинет директора, где её ждал, сидя на диване, офицер. Он пытался быть джентельменом, но его хватило ненадолго. Аня кричала, но никто не пришел ей на помощь, а по-

том её, как и всех, загнали в сарай. «Я буду мстить, я буду убивать их, как только появится малейшая возможность», – как в бреду, повторяла она сама себе, пока не уснула.

Офицер не спал тоже. Его мучила совесть. Напился, как свинья, изнасиловал девчонку, и в столовой творилось, чёрт знает что... Он понимал, что так нельзя, что дома он себе такого бы не позволил. Почему здесь можно? Потому что они не люди? Не выходила из головы девчонка. Чем-то она его зацепила, что-то было в ней такое, что не давало о ней не думать. Чувство вины смешивалось чувством влечения к ней, как к женщине. Возможно, это был его физиологический тип женщины, он не мог это логически сформулировать, но он думал о ней, он хотел просить у неё прощения за вчерашнее, он надеялся на её прощение и хотел с ней встречи. Под утро он забылся в коротком сне.

Утром люди проснулись от криков и шума двигателей подъезжающих машин, ворота сарая распахнулись, людей выгнали во двор.

– Вам оказана честь служить на благо великого рейха в Германии. Вы там будете хорошо есть, пить и хорошо работать. Вас ждёт новая жизнь и новые перспективы! – кричал переводчик. Женщины закричали, заплакали, они понимали, что их увозят далеко от Родины, от их навсегда уже потерянных детей и родных.

– Молчать! В машины! – буйствовал переводчик, и их спешно начали заталкивать в машины. Офицер молча смот-

рел на эту сцену и на Аню, стоящую в первом ряду. Она боялась на него посмотреть, и только, когда её пихнули к борту машины, она подняла на него глаза, цепляясь этим взглядом за последнюю надежду остаться на Родине. Офицер сказал что-то переводчику, тот подбежал к Ане и оттолкнул её в сторону от машины. Под крики и плач машины двинулись со двора в сторону железнодорожной станции. Аня стояла в углу двора, как затравленный зверёк, смотря на фашистов. Офицер подошел к ней и тихо сказал:

– Извини меня за всё. Я был вчера зверь. Я не такой. Иди домой.

Он кивнул автоматчику, и тот стал рядом с Аней. Она не верила своим ушам. Враг её пожалел, отпустил домой? Она сделала несколько неуверенных шагов со двора школы, но её никто не остановил, она пошла быстрее, автоматчик шаг в шаг шёл за ней, пока она не открыла дверь своего дома. Закрыв дверь, она опёрлась на нее спиной с обратной стороны, не веря своему освобождению, и заплакала, молча глотая слезы. Подбежала к окну и увидела, как автоматчик уходит со двора. Аня бросилась в ванную, включила холодную воду и мылась, мылась долго, пытаясь смыть с себя позор, грязь, прошлое, всё, что она пережила за эти два дня. Проверила, заперты ли окна и двери, задёрнула занавески и провалилась в глубокий сон.

Сколько она проспала, она не знала, но уже вечерело. Она с трудом села на постели, и мысли набросились на неё, слов-

но волки: «Что делать? Бежать? Куда? Почему он меня пожалел? Он найдёт меня? Что делать?» Она сжала руками голову, ей казалось, что голова разорвётся от неразрешимых вопросов. В дверь постучали. Она замерла, она испугалась. «Спрячусь. Найдут. Опять арестуют, опять будут насилловать. Не переживу. Кто это?» – думала она. Стук повторился.

– Аня! Это Альберт. Открой.

«Кто это Альберт? Плохой русский с немецким акцентом», – подумала Аня. Она подкралась к окну и увидела изнасиловавшего её офицера. «Что делать? Не открою, взломает дверь, будет ещё хуже», – подумала она и резко открыла замок.

– Что вам нужно? Я не приняла ваших извинений. Я не хочу вас видеть!

Альберт вошел в дом.

– Извини меня. Я – дрянь, я был пьян, я не знаю, как я так мог. Я не такой, как ты обо мне думаешь. Извини.

У Ани расширились глаза, когда она увидела, что он становится перед ней на колени. Он на плохом русском рассказывал ей о себе, о своей семье, как попал на войну, как ошибался в оценке славян, как он мучится тем, что так поступил с Аней, как не может о ней не думать, как хочет помочь ей выжить, что она должна работать в комендатуре, иначе её угонят в Германию, как только его переведут в другой город. Она что-то понимала, что-то нет, но поняла, что плохого он

ей уже не сделает и у неё нет другого выхода, чем его послушать.

– Я согласна, потому что я хочу выжить.

– Хорошо. Ты должна придти завтра утром в комендатуру к унтер-офицеру Штольцу. Это я. Да, я скрываю своё знание русского языка, так что общаться будем через переводчика. Аня, я хочу, чтобы ты простила меня, и я всё для этого сделаю.

Она молчала и смотрела на него с вызовом. Она перестала его бояться.

– До свидания. До завтра.

Штольц вышел из дома. Мысли опять захлестнули Аню. «Как быть? Не пойду – угонят в Германию, пойду – скажут, что я сотрудничаю с фашистами. Как правильно поступить?»

Ответ пришёл сам собой. Раздался стук в дверь. Аня подумала, что вернулся Штольц и, не глядя, открыла дверь.

– Ты жива! Слава Богу! Многих угнали в Германию, расстреляли, но теперь они поутихли, поняли, что кто-то тут должен на них работать.

Аня подняла глаза. Перед ней стояла её бывшая одноклассница Алла, которая до войны работала в обкоме, а сейчас, видимо, тоже не успела уехать. Они обнялись и заплакали. Аня ничего не рассказала из того, что она пережила за эти дни.

– Документы свои спрятала? Я тоже. Ситуация следующая. Я собираю всех, кому можно доверять, из оставшихся

в городе. Раз нам не удалось уехать, наша задача организовать немцам в тылу сопротивление. В окружение попали наши солдаты, они ночью пробрались ко мне. Сейчас расположились в лесу, организовали партизанский отряд, наша задача им всячески помогать. У них есть связь с нашими. Так что будем жить здесь, работать на фрицев и помогать нашим, чем сможем. Согласна?

Аня закивала головой. Она рассказала, что пойдёт завтра устраиваться работать в комендатуру. Эта идея понравилась Алле, она решила устроиться работать в немецкой столовой.

– Всё, я пошла. Держи связь со мной и вообще держись.

– Пока. Как я рада, что я не одна, и мы что-то сможем сделать для наших.

Утром Аня стояла в кабинете Альберта Штольца. Он обращался к ней официально через переводчика, спрашивая, что она умеет. Она сказала, что может печатать на пишущей машинке, немецкого не знает. Это было не так, она знала немецкий очень хорошо. Переводчик передал ей слова Штольца о том, что она будет его секретарем, будет печатать документы на русском языке, предназначенные для местного населения и убирать в его кабинете. Она кивнула, аудиенция была закончена, и утром следующего дня Аня вышла на работу.

Почти полгода жизнь текла без особых событий. Её обязанности были предельно просты, она легко с ними справлялась. В городе образовалась подпольная организация, кото-

рая помогала партизанам. Её члены возили в лес продукты, одежду, сводки о перемещениях немцев, которые в основном добывала Аня, снимая копии с немецких приказов, которые Штольц от неё не прятал, не зная о её владении немецким языком. Он изо дня в день преследовал её, не переставая просить прощения и всячески пытаясь облегчить ей жизнь. Он понял, что влюбился в эту русскую девушку и ничего не мог с собой поделать. Он приходил к ней каждый день домой, он не мог ни дня обойтись без неё. Наконец и Аня поняла, что привязывается к нему. Он оказался единственным человеком в городе, кто мог ей реально помочь выжить. Постепенно забывался кошмар первых дней оккупации, жизнь брала своё, и она заметила, что он её привлекает, как мужчина. Она никому не рассказала, что между ними произошло, она говорила себе, что он враг её страны, её личный враг, но он ей нравился... Она боролась с этими мыслями, но в один из вечеров, когда он привлек её к себе, она не стала сопротивляться, он ей нравился, и Штольц остался на ночь у неё.

«Вот я какая. Меня изнасиловал фашист, враг, а он мне нравится, и я с ним сплю. Об этом не знает никто. Я его обманываю, добываю через него сведения для партизан. Какое же я чудовище! Я – чужая среди своих и своя среди чужих. Если все узнают правду, меня не простят ни одни, ни другие. Живу сегодняшним днем. Утешает меня одно – я помогаю своей стране, а иначе и не вижу смысла жить», – думала она

и ненавидела себя за это.

Однажды к ней прибежала Алла.

– Аня! Наши партизаны так насолили фашистам, что к нашему городу собираются направить карательный отряд. Надо срочно узнать, когда это произойдёт и сколько их будет, какое вооружение. А я знаю, что к тебе частенько заходит этот Штольц. Информация очень секретная. Руководство отряда просило взять высокопоставленного языка, чтобы лично у него получить достоверную информацию. Ты построй глазки этому фрицу и пойди с ним погулять у леса, тут его и возьмут наши.

«Боже! Знала бы она, что я не только строю ему глазки, а между нами и всё остальное! Я должна отвести его в лес, его захватят, допросят и, конечно же, расстреляют. И это всё сделают с моей помощью. Пока она добывала сведения, её борьба с ним, как с врагом, была не явной. А в этой ситуации она должна пожертвовать его жизнью, своими чувствами к Альберту, и отказаться она не может! Не дай Бог стать кому-то перед таким выбором!» – лихорадочно думала она.

– Он может не согласиться, все боятся партизан. Вряд ли у меня получится.

– Да ладно. Русская женщина всё сможет, если надо. Считай, что это твоё комсомольское задание. Всё, тебе на всё от силы два-три дня. Будешь готова, сообщи место и время. Я побежала. Жду от тебя информации.

Оставшись одна, Аня крепко задумалась, как ей быть?

Внутри неё разгорелась нешуточная борьба противоречивых чувств любви к Родине и к мужчине, желание помочь своим и желание спасти жизнь любимому. Вечером, когда пришел Альберт, она ничем не выдала своих мыслей, но была с ним нежнее, чем обычно, долго смотрела в его глаза, любовалась его телом, наслаждалась ним. Он не понял такого внезапного порыва страсти, а она с ним прощалась... Она, примирившись с его возможной смертью, поняла, что полюбила его, она готовилась его предать, зная, что он уже стал ей родным. Так любят, как в последний раз, зная, что человек умрёт или уйдет навсегда. Но сделать это своими руками – это не укладывалось в её голове. Самым страшным было то, что она ждала от него ребёнка, а он ничего об этом не знал. Эти мучительные три дня показались ей вечностью, она практически не спала. Алла забежала утром.

– Ну что? Когда? Что это с тобой? Как с креста снятая. Не заболела?

– Да, заболела. Но ничего, пройдет. Завтра мы пойдем по ягоды на окраину леса, который вчера прочесали, и немцы не боятся там бывать.

– Молодец. Ты не бойся. Главное, чтобы у него не было оружия. А уж наши всё сделают, как надо. Завтра с утра наши будут в засаде целый день. Держись и не бойся.

Всю ночь Аня проплакала рядом со спящим Альбертом, а утром они пошли гулять. Было воскресенье, яркое весеннее солнце играло бликами на влажных листьях лесной зем-

ляники. Они шли медленно, собирая ягоды, он рассказывал о своём детстве, о своём городе, о том, что война закончится, и он отвезёт её в Германию, что родители его поймут, когда увидят, какая прекрасная женщина Аня. Аня слушала его, сдержанно улыбаясь, её лицо было бледным. Он спросил, что с ней? Она сослалась на нездоровье. Они постелили плащ-палатку на влажную ярко-зеленую весеннюю траву и присели перекусить. Аня раскладывала еду, Альберт расстегнул ворот, снял кобуру с пистолетом и прикрыл её кителем. Когда он отвернулся, Аня быстрым движением отбросила пистолет в кусты, а китель расправила. Он ничего не заметил. Ему было хорошо, как никогда. Рядом любимая женщина, он не на фронте, он не убивает людей, война рано или поздно закончится, и они с Анной будут счастливы, у них родятся дети... Он прикрыл глаза и почти уснул, как вдруг услышал по-русски:

– Руки вверх, фриц!

Он метнулся к кителю, пистолета не было. Он быстро взглянул на Аню и всё понял. Она его предала. Вокруг стояли партизаны, направив на него автоматы. Он медленно встал и поднял руки. Аня бросилась к нему:

– Прости! Прости меня! Я не могла иначе! Я – русская, а ты – немец! Мы – враги! Но я люблю тебя, у нас будет ребёнок! Прости! Прости! – она рыдала, упав к его сапогам.

Тут пришла очередь удивляться партизанам:

– Вот это да! Вот это напартизанила! С врагом связалась!

Они сколько наших положили, а ты – подстилка немецкая! Уберите её!

– Не убивайте! Он все расскажет! Он ни одного русского солдата не убил! Я вам слово даю!

– Знаем мы цену твоим словам! Уберите её! Пошли, фриц!

Альберта увели, подталкивая автоматами, он не смотрел на неё, смотрел под ноги. Но, вдруг поняв, что больше её никогда не увидит, резко обернулся и увидел её, стоящую на коленях, как когда-то он стоял перед ней.

Анна осталась одна на опушке леса, брошенная, никому не нужная. Всё случилось так, как она предполагала в самых страшных мыслях. От неё отвернулись все: Альберт, партизаны, подполье, она собственными руками убила любимого мужчину, отца её будущего ребенка. Что будет с ней дальше? Она до вечера проплакала в лесу и пошла домой.

Она встретила Аллу, но та сделал вид, что не знает её. Больше она к ней не заходила, в работу подпольной организации не посвящала. Анна по-прежнему работала в комендатуре, но уже уборщицей. После исчезновения Альберта, приехал новый офицер, который не доверял Анне.

Вскоре стало известно, что в лесу нашли расстрелянного Альберта, его похоронили на окраине города, и Аня тайком ходила к нему на могилу. Карательный отряд, присланный для уничтожения партизан, попал в засаду и был уничтожен партизанами. Тем временем беременность уже нель-

зя было прятать, от неё отвернулись даже соседи, все знали, что отцом мог быть только немец. Анна, опустив глаза, ходила на работу и вечером домой, ни с кем не здороваясь. Вскоре её уволили из комендатуры, она голодала. В одну из ночей, промучившись весь день, сама родила девочку, завернула её в старые простыни и проплакала над ней и над своей судьбой до утра. А утром пошла побираться, надо было кормить себя и дочь. Так прошёл год. И вот в один из дней с утра немцы стали собираться, кричать, садиться в машины и спешно покидать город. Жители поняли, что они отступают. Недалеко звучала канонада русской артиллерии. Аня радовалась со всеми, когда в город въехали советские танки и вошла пехота. Она стояла с маленькой дочкой на руках, и по её щекам текли слезы.

Через неделю за ней пришли из особого отдела. На допросе она рассказала всё, ничего не утаивая. Она подписала протокол допроса, и её отпустили домой. «Неужели поверили и простили? Если бы так, я бы начала всю жизнь сначала. Ради дочки. Она не должна знать ничего о том, кто её отец. Раз мне не выпало в жизни счастье, то дочь должна быть счастлива. Лишь бы мне поверили, лишь бы меня простили», – молила она, засыпая. Но чуда не произошло. За ней приехали ночью, велели быстро собраться, взять самое необходимое для ребёнка. Анну привезли в тот же кабинет, где её раньше допрашивали. Тот же следователь хмуро смотрел на неё из-под очков.

– За связи, порочащие честь советского человека, вы направляетесь на принудительные работы в рабочие лагеря в Сибирь. Ребёнок будет направлен на воспитание в детдом до вашего освобождения. Срок вашего заключения – пятнадцать лет. Вопросы есть?

– Нет. Но ребёнок! Она совсем маленькая, она не выживет в детдоме. Разрешите, чтобы она была со мной. Я согласна на самую тяжелую работу, но не разлучайте с дочкой! Я виновата, но ребёнок тут при чем?

– Ребенок при чём? Да она немка – твой ребёнок, понимаешь ты это или нет? Думать надо было, когда ложилась под фашиста. Или собиралась с ним драпать в Германию? Да тебя расстрелять надо и гадёныша твоего. А мы тут играемся, в лагеря посылаем. Да будь моя воля – к стенке, и весь вопрос! – блестел очками и плевался слюной следователь.

Ей нечего было возразить, она плакала, всё сильнее прижимая к себе худенькое тельце истощённого ребенка. К ней подошла женщина в форме и стала отнимать ребенка.

– Не отдам! – кричала Анна, но дочку отобрали.

– Да не кричи ты, авось выживет, если судьба её – выжить. Ты надейся, пятнадцать лет – не срок, зато живая, – приговаривала женщина, унося ребёнка.

Анна пробыла в лагерях десять лет, пока не заболела туберкулёзом и не скончалась в сыром бараке. Её похоронили на сельском кладбище. О ребёнке она ничего не слышала все эти годы.

А девочка выжила, ей дали чужую фамилию, она верила, что её родители погибли на фронте, сражаясь с фашистами. В составе советской делегации она поехала на празднование годовщины победы над фашизмом в Дрезден. И могла ли знать старая немка, принимающая молодежь в своём доме, что на неё смотрит русская девушка глазами её сына.

Папа

Он уходил от меня – мой большой и сильный, любимый мною папа. На самом деле он шёл мне навстречу неуверенной походкой, прихрамывая, тяжело опираясь левой рукой на палочку. Всегда подтянутый, с бравой военной выправкой, застёгнутый на все пуговицы, с аккуратно уложенным на шее кашне, он сейчас не был похож на себя. Давно знакомое мне серое осеннее пальто было расстёгнуто, не смотря на ветреную холодную погоду, красно-синий тёплый, подаренный когда-то мной шарф, развевался на ветру. Казалось, что для него это было уже не важно, какая погода, как он выглядит, он был над этим, как будто бы тело перестало быть главным в его жизни, уступая место чему-то более главному, значимому, наверное, душе? Увидев его, я остановилась. Папа меня не заметил, он шёл по направлению ко мне, а я смотрела на него во все глаза. В его походке, в жестах, в манере поведения всегда было столько мужского обаяния, что, только став взрослой, я поняла, почему в него влюблялись женщины. Он был настоящим мужчиной, спокойным, уравновешенным, мудрым, уверенным в себе. С ним рядом было уютно и спокойно, весело и безопасно. Его шутки были короткими и меткими, его комплименты были ненавязчивыми и непошлыми, советы – дельными и не свысока. Он всегда держал слово и умел дружить. Он был моим идеалом муж-

чины – мой отец.

И вот сейчас до боли родной и близкий мне человек, легко узнаваемый мной среди толпы, был совсем другим. Он смотрел вперёд, но создавалось ощущение, что он смотрит куда-то мимо, куда-то вовнутрь себя, он рассматривал что-то, недоступное другим людям. Этот отрешённый взгляд я уже видела раньше у больных, перенесших тяжелую болезнь и чудом выздоровевших. Когда человек побывал «там», он обратно возвращается другим, обогащённым какими-то новыми знаниями, которыми он не может и не хочет делиться с другими людьми, от которых он не становится счастливее, он уходит как будто бы в себя, и очень сложно заставить его вернуться назад, к прежнему восприятию мира. Таким стал папа после болезни. Мне хотелось его встряхнуть и крикнуть: «Вернись назад! Тебе всего шестьдесят четыре! Разве это возраст?» Я готова была врать обо всём на свете, лишь бы он поверил, что впереди ещё есть время. Но я и в детстве никогда не могла его обмануть, не получалось и теперь. Он был слишком мудрым и слишком хорошо знал жизнь, чтобы поверить мне.

Всё лето я провела с ним. После инсульта плохо шёл процесс восстановления движений в правой руке и ноге, папа нервничал, он не привык быть беспомощным и слабым. Я смогла уговорить его выполнять различные восстановительные упражнения. Он снова учился писать, ходить, есть. Мы рассыпали коробок спичек, и он их по одной собирал. И дело

заметно пошло на поправку. К сентябрю я уехала домой, когда папе стало значительно лучше. Папина жена была замечательной женщиной. Она ухаживала за ним, и я была уверена, что она сделает для папы всё, что нужно, а в случае каких-либо проблем сообщит мне об этом.

И вот осенью я опять приехала к папе, но не помогать, а за помощью – не хватало денег для оплаты кооператива. Мой милый папа! Выйдя на пенсию и работая, он завел две сберегательные книжки в Сбербанке – на меня и на моего брата, и каждый месяц переводил на них пополам свою пенсию. Так продолжалось много лет, пока на них не набралась приличная сумма и он не сказал нам, чтобы мы знали, что у нас есть деньги, если мы решимся на какую-либо крупную покупку. Вот такой момент и настал. Мы должны были сейчас идти снимать деньги с моей сберкнижки. Папа по телефону торопил меня: «Давай приезжай быстрее. Видишь, что творится в стране. Не купишь что-то, пропадут деньги, я это чувствую». И вот я здесь, в своём родном городе, в своём родном дворе, я вижу моего любимого отца. Но он другой, совсем другой! Мне, привыкшей подчиняться его силе, сейчас хотелось пожалеть его, как ребёнка, спасти, укрыть, защитить, мне хотелось обмануть судьбу, повернуть время вспять... Но я ничего не могла изменить.

Плотный комок слёз подкатил к горлу. Я видела, что мой папа уходит от меня, как будто бы его тело раздваивалось, прозрачная его тень то шла с ним рядом, то опять сливалась

с телом. Тень приветственно помахала мне рукой, улыбнулась. Мне захотелось ответить ей тем же, моя рука приподнялась и тут же опустилась. Я оглянулась по сторонам, посмотрела на папу. Мне это кажется, конечно, у меня ведь с психикой всё в порядке. Но как такое может быть? Папа идёт мне навстречу и одновременно удаляется, я чувствую, что он от меня всё дальше. Я с ужасом подумала, что сейчас он может пройти сквозь меня, не заметив, и мы не встретимся никогда. Я двинулась ему навстречу.

И тут папа меня заметил и резко остановился. Мы посмотрели друг другу в глаза, и его взгляд рассказал мне обо всём: о том, что он меня любит и прощается со мной, что он хочет жить, но знает, что это не будет продолжаться долго, что он скучает по мне, но никогда не скажет об этом вслух, что он стал слабым, но никогда не признается мне в этом, что он просит моей помощи, зная, что я не смогу ему ничем помочь, что он уходит от меня по одному ему известному маршруту и не может его изменить. Это было общение без слов. Мы понимали друг друга. Глаза папы наполнились слезами. Ему было жалко оставлять меня, свою маленькую взрослую, имеющую уже своих детей, дочь, но он не мог отменить свой поход в никуда.

«Папа!» – я бросилась к нему, уткнулась лицом в его широкую грудь, вдохнула родной и знакомый мне запах. «Не уходи!» – кричала я без слов, слёзы градом катились из моих глаз, глаза щипала косметика. Мы стояли, прижав-

шись друг к другу, и плакали. Отец и дочь, очень похожие друг на друга и внешне, и внутренне. Мы прощались, не говоря об этом ни слова. Папа первым отстранился, достал из кармана пальто платок, вытер глаза, высморкался. Он не привык так проявлять свои эмоции и теперь чувствовал себя неловко. «Ну, пойдем, дочь, снимем деньги. Я рад, что могу вам помочь. Только этим теперь и могу». Мы медленно двинулись вперед по осенней аллее, усыпанной опавшей листвой. Я держала папу под руку, как раньше это делала мама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.